
М. К. БАСХАНОВ

ВОСТОЧНО-СИРИЙСКОЕ ХРИСТИАНСТВО В СТРАНЕ «СЕМИ РЕК»: АСПЕКТЫ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ И ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ТРАДИЦИИ

В статье рассматриваются вопросы истории материальной культуры и искусства восточно-сирийского христианства в Семиречье (VIII-XIV вв.) на материалах шотландской частной коллекции (Великобритания). В рамках заявленной темы акцентируется внимание на вопросах современного состояния исследований восточного христианства в Центральной Азии, основных палеографических и археологических источниках для изучения восточно-христианской материальной культуры и искусства. Затрагиваются проблемные вопросы периодизации христианской культурной ойкумены Семиречья, локализации центра митрополии Кашигар и Навакет, культурных и эстетических влияний Западной и Восточной Азии на культуру христиан средневекового Семиречья. На основе предметов восточно-сирийского круга из шотландской частной коллекции и ряда других институциональных и частных коллекций анализируются конкретные вопросы культуры восточно-сирийского христианства в Семиречье: локальные и инотерриториальные художественные влияния; стилевые и иконографические особенности; развитие восточно-христианского фигуративного искусства в условиях исламского иконоклазма и др. В статье рассматривается основной круг предметов материальной культуры христиан средневекового Семиречья, выполненных в различных материалах и технике, отмечаются их стилевые, композиционные и иконографические особенности. Статья включает каталог предметов материальной культуры и искусства восточно-сирийских христиан Семиречья из состава шотландской частной коллекции.

Ключевые слова: Восточно-сирийское христианство, Церковь Востока, Семиречье.

DOI: <https://doi.org/10.34920/1694-5794-2022.34.005>

Цитирование: Басханов М. К. Восточно-сирийское христианство в стране «Семи рек»: аспекты материальной культуры и художественной традиции // Вестник МИЦАИ. Вып. 34. Самарканд, 2022. С. 52-73.

АПОСТОЛЬСКАЯ ЦЕРКОВЬ ВОСТОКА¹, зародившись за восточными границами Римской империи, в период европейского средневековья по географическому охвату территории превосходила любую из западных церквей, имея своих последователей вдоль Шелкового пути в Иране, Центральной Азии, Китае и Индии. Церковь действует и по сей день, благополучно

просуществовав под властью Сасанидов, арабов, китайцев, тюркских, монгольских и исламских династий. Восточно-сирийское христианство оказало значительное влияние на формирование исторического, духовного и культурного пространства всей Центральной Азии и оставило после себя интересные письменные памятники, самобытную материальную культуру, традицию ненасильственного сосуществования народов и религий.

Настоящая статья ставит своей целью представить раздел шотландской частной коллекции² с предметами материальной культуры и

¹ В представляемой статье мы отходим от понятия «нехристианство» и используем более современное и, как представляется, более точное понятие – восточно-сирийское христианство (Церковь Востока). Встречающиеся в статье применительно к Семиречью понятия – христианство и восточное христианство – используются для удобства изложения материала, но подразумевают под собой восточно-сирийское христианство.

² Начало формированию коллекции положено в конце 1950-х гг., ее пополнение происходит и в настоящее время.

искусства восточно-сирийского христианства, преимущественно в Семиречье³. К наиболее известным к настоящему времени памятникам христианства на этой территории следует отнести средневековые города и поселения Тараз, Актобе, Степнинское, Талгар, Илибалык (в пределах современного Казахстана), городища Покровское, Кара-Джигач, Красная речка, Бурана, Ак-Бешим (Кыргызстан). В статье предпринимается попытка рассмотрения некоторых проблемных вопросов материальной культуры и искусства христиан Семиречья, с учетом современного уровня разработки темы и на основе материалов институциональных и частных коллекций, с которыми автору удалось ознакомиться.

Основная часть предметов восточно-христианской материальной культуры и искусства в составе рассматриваемой коллекции относится к Семиречью и хронологически охватывает период VIII–XIV вв. История изучения христианства Семиречья имеет давнюю традицию, начало которой было положено в конце XIX в. русскими исследователями этого края. Современное состояние проблемы, преимущественно ее археологические аспекты, достаточно полно представлены в литературе (*Байнаков, Терновья 2018; Кольченко 2018*).

В последнее время исследования восточного христианства получили широкое развитие и затронули разнообразные направления – теологическое, историческое, филологическое, археологическое, искусствоведческое и др. (*Gillman, Klimkeit 1999; Baum, Winkler 2000; Malek, Hofrichter 2006*). В их основу положен новый подход, который основывается на привлечении широкого круга источников, преимущественно филологических. Среди этих направлений, одним из наименее разработанных остается изучение материальной культуры и искусства восточного христианства. Связано это прежде всего с достаточно ограниченным кругом артефактов, которые доступны специалистам на сегодняшний день. Другим узким местом является недостаточная разработка теоретических вопросов искусства восточного христианства в пределах региона

Средней Азии, таких как хронология, типология, генезис и эволюция, региональные отличия, инотерриториальные влияния и др.

Другой проблемой является отсутствие современных христианских письменных источников местного происхождения в пределах ареала Семиречья⁴, в отличие от соседнего с ним центра христианства в Средней Азии – Восточного Туркестана⁵. Значительно лучше обстоят дела с таким эпиграфическим источником как эпитафии на надгробных камнях (кайраках), которые представляют собой массовый палеографический материал сирийского круга, достаточно хорошо изученный. Основная проблема этой сравнительно поздней (XII–XIV вв.) группы источников заключается в том, что содержащиеся в ней сведения довольно формализованы, ограничены по объему информации, часто повторяющиеся. Большое количество (свыше 700 христианских кайраков) изученных памятников, к сожалению, не привело к существенному прорыву в изучении христианства как в Средней Азии в целом, так и в Семиречье, в частности. Между тем, систематизация сведений и создание сводного корпуса этой группы эпиграфических источников представляется чрезвычайно важной задачей⁶.

Основной иконографический материал, относящийся к теме изобразительного искусства

⁴ Разбор фрагментов немногочисленной согдийской эпиграфики из Семиречья, предпринятый В. А. Лившицем, не дал каких-либо указаний на распространение христианства в согдийской общине Семиречья, тогда как по своим датировкам (IX–XI вв.) они приходятся на период завершения религиозной дифференциации согдийцев и их перехода от зороастризма к христианству, манихейству, буддизму и, возможно, к исламу (*Лившиц 2008: 351–388*).

⁵ Изучение эпиграфического наследия восточно-туркестанского ареала христианской культуры в Средней Азии в последнее время значительно продвинулось вперед, преимущественно благодаря исследованию разнообразных письменных памятников, которые отложились в европейских, китайских и японских коллекциях. В этом отношении следует отметить большую работу, которую ведет университет Зальцбурга (Австрия) по изданию фундаментальной серии *Orientalia – Patristica – Oecumenica*, включающую работы по теме восточного христианства в Средней Азии и Китае (*Tang, Winkler 2009; Tang, Winkler 2013; Tang, Winkler 2016; Tang, Winkler 2020; Dickens 2020*). Весьма важный вклад в изучение письменных источников по истории христиан Средней Азии, преимущественно христианских согдийских документов, внес Николас Сим-Уильямс (*Nicholas Sim-Williams*) (*Sim-Williams 2014; Sim-Williams 2016*).

⁶ Изучение христианских кайраков в Средней Азии имеет продолжительную историю, которая достаточно известна, и мы не будем на ней останавливаться. Филологические и исторические аспекты христианских кайраков продолжают активно изучаться в настоящее время (*Klein 1996, Klein 2000; Dickens 2009, Dickens 2016; Жумагулов 2011; Железняков 2019а; Tang 2020; Voyakin, Gilbert, Stewart 2020; Borbone 2023*).

Специализация коллекции – искусство Центральной Азии, которое представлено предметами от античности до эпохи Тимуридов, исполненными в различных материалах и технике. Большая часть предметов коллекции опубликована в каталоге и экспонировалась на выставке в Эдинбурге в январе 2013 г.

³ Под Семиречьем в настоящей статье понимается историко-культурная область в пределах территорий современных Казахстана и Кыргызстана, в полосе Чу-Илийского междуречья.

восточного христианства, к настоящему времени получен на основе использования двух групп источников – палеографических и археологических. К первой группе относятся немногочисленные миниатюры и элементы художественного оформления иллюминированных рукописей восточно-христианского круга⁷. Вторая группа представлена археологическим материалом из соседнего с Семиречьем Восточного Туркестана, преимущественно фресковой живописью и росписью на шелке⁸. При этом следует заметить, что ввиду большого числа предметов манихейского круга из Восточного Туркестана и значительной их изученности в работах последнего времени происходит своеобразный «атрибуционный ревизионизм», при котором артефакты, соотнесенные ранее с восточно-христианской культурой, получают новую интерпретацию и рассматриваются как манихейские⁹.

Современные исследования по восточно-сирийскому христианству до недавнего времени подходили к проблеме его материальной и художественной культуры, географического ареала с достаточно общих позиций, ориентируясь преимущественно на расплывчатый географический район – Средняя Азия (Parry 1996). Между тем, Средняя Азия – это обширный географический район, протянувшийся от восточного побережья Каспийского моря до Алтая. В случае использования термина Центральная Азия, этот район практически удваивается в размерах и начинает доходить на востоке до Монголии и на юге – до Тибета. Понятно, что восточное христианство не могло быть в равной степени представлено на столь

огромной территории и ограничивалось лишь отдельными районами, преимущественно вдоль караванных путей. В связи с этим приходится говорить не о единой христианской ойкумене Средней Азии, а о ее отдельных анклавах, в пределах которых, при сохранении общехристианской культурной традиции, существовали свои региональные отличия. Последние могли быть как в форме религиозной догмы, обрядов и ритуалов, так и в сфере культурных и эстетических воззрений. Эти различия возрастали в зависимости от степени воздействия на них других культур, религий, эстетических и художественных влияний. В этом смысле христианская община Хорезма отличалась от такой же общины в Хорасане, как и вместе они отличались от других христианских общин вдоль Шелкового пути – в Мавераннахре, Семиречьи, Восточном Туркестане, Монголии и во внутреннем Китае. Степень эстетического и художественного влияния на эти субрегионы со стороны основных культурных источников – Западной и Восточной Азии – усиливалась по мере приближения к ним и, соответственно, ослабевала по мере удаления.

За всю историю существования культуры христианства в Семиречьи она последовательно, а иногда и одновременно, испытывала на себе волны влияний других культур, которые существовали на древнем Шелковом пути. Спектр этих культур и влияний значителен – переднеазиатское, византийское, иранское, древнетюркское, исламское и буддийское. Эти влияния действовали в разные исторические эпохи, с разной степенью силы и последствий. В этом смысле искусство восточных христиан, было в какой-то степени и восточным искусством, в котором самым неожиданным образом оказались переплетены образы и символы культур и цивилизаций азиатского континента.

Материальная культура и художественная традиция христианского Семиречья, имея много общего с христианским Восточным Туркестаном, обладала и рядом отличительных особенностей. Семиречьи в значительно меньшей степени подверглось влиянию восточноазиатского и буддийского искусства, в нем менее представлены живописная и книжная традиции. В остальных сегментах материальной культуры и искусства, христианство в Семиречьи по уровню своего развития, количественно и качественно, превосходит Восточный Туркестан. Об этом свидетельствует, к примеру, значительно меньший объем предметов христианского круга в археологических находках на территории современного Синьцзян-Уйгурского автономного района (СУАР) Китая, с чем соглашаются и сами китайские исследователи

⁷ В качестве примера можно привести изображение восточно-сирийского христианина из Евангелия XIII в. из собрания Берлинской государственной библиотеки (Baumer 2016: 75, 94) и иллюстрацию из восточно-сирийского Евангелия с изображением Иисуса Христа в окружении четырех ангелов из собрания Национальной библиотеки Франции (Drege 1992: 43, 187).

⁸ Фрагменты фресок со сценой Вербного воскресения и созерцающей девушкой из христианского храма в Кочо (Гаочан), датируемые IX в., из собрания Берлинских государственных музеев (Le Coq 1979: Tafel 7). Портрет на шелке (IX в.) христианского настоятеля храма в пещерном комплексе Цяньфодун в Дуньхуане из собрания Британского музея (Whitfield 1982: Pl. 25).

⁹ Это, в частности, относится к упомянутому портрету «несториянского» настоятеля храма из собрания А. Стайна в Британском музее, который в последнее время подвергся иконографической ревизии и отнесен к кругу манихейского искусства (Moriyasu 2010: 357-360). К группе манихейских «икон Иисуса» З. Гулази отнесла исполненную в буддийском стиле фигуру с «несториянским» крестом, изображенную на шелковом свитке XII-XIV вв. из коллекции храма Сэйундзи (Seiun-ji), близ г. Кофу, Япония (Gulácsi 2015: 415-419).

(Silu 1998: 246), и что становится очевидным из знакомства с китайскими музейными коллекциями. На эту особенность Восточного Туркестана в свое время указывал и известный собиратель восточных древностей Н.Ф. Петровский (1837-1908), императорский российский консул в Кашгаре (*Петровский* 1895).

Отсутствие в Семиречье значительных христианских культовых сооружений и находок рукописей еще не означает, что таковых не имелось изначально или они были беднее, чем в соседнем Восточном Туркестане. Их отсутствие может быть объяснено двумя фундаментальными факторами: спецификой климата и большей степенью антропогенного воздействия. Что касается первого, то климатические условия Семиречья с его более влажным и холодным климатом, менее благоприятны для консервации древностей по сравнению с оазисными районами вдоль южных склонов Тянь-Шаня и по северной оконечности Таримской пустыни, отличающихся более высокой среднегодовой температурой и значительно меньшей влажностью. Что касается антропогенного воздействия, то и этот фактор был не в пользу Семиречья, которое, в отличие от Восточного Туркестана, находилось на активных участках Шелкового пути и нередко становилось ареной вооруженных конфликтов, часто религиозно мотивированных. Эти конфликты самым непосредственным образом отражались на духовном и культурном ландшафте христианской Средней Азии.

Современный уровень знаний и имеющийся круг источников не позволяют в полной мере приступить к решению проблемы присутствия различных церквей восточного христианства и их деноминаций в пределах ареала Семиречья. Предпринятые в последнее время попытки ряда авторов (*Горячева* 2010: 160) решить эту проблему, в частности, на основе анализа форм нательных крестов, не принесли существенного прогресса. Это связано не только с относительно незначительным количеством самого материала и его слабой археологической документацией, но преимущественно по причине того, что за редким исключением, нательные кресты не несут на себе типологических и иконографических отличий, связанных с восточно-христианскими церквями и их деноминациями. Имеющиеся в настоящее время подходы к этому довольно интересному вопросу по-прежнему гадательны и не основываются на прочном научном фундаменте.

Другой важной темой в реконструкции исторической картины восточного христианства в Семиречье являются вопросы общей хронологии и периодизации. Первую попытку периодизации

предпринял в свое время академик В. В. Бартольд, который несколько расплывчато определил нижнюю датировку бытования христианской общины в Семиречье (VIII в.), связывая ее с активностью патриарха Тимофея (780-819) (*Бартольд* 1893: 8, 10). В дальнейшем он рассматривал основные этапы развития христианской общины Семиречья в прямой связи с господством в крае доисламских тюрков, карлуков, караханидов, каракитаев и монголов. Современные авторы предлагают свои варианты хронологии и периодизации, которые остаются достаточно противоречивыми и не вполне основываются на системном подходе и комплексном использовании источников (*Горячева, Перегудова* 1995: 92; *Кольченко* 2003; *Горячева* 2010: 157-161; *Железняков* 2019b: 231-247).

В. А. Кольченко справедливо указывает на такую проблему, осложняющую решение вопросов хронологии и периодизации, как недостаточное количество системного материала, сопровождаемого надежной археологической документацией, основанной преимущественно на стратиграфическом и типологическом методах датировок (*Кольченко* 2018: 98). В целом соглашаясь с этим взглядом, следует заметить, что методы датировок в современной археологии более разнообразны и технологичны. Кроме того, свои методы датировок существуют и в смежных дисциплинах, к примеру, в искусствоведении и палеографии. Не следует забывать о существовании значительного числа институциональных и частных коллекций, образующих обширный информационный банк. Возвращаясь к христианским нательным крестикам из Семиречья, следует заметить, что они, хоть и являются относительно массовым материалом, но достаточно однотипны, и возможности их использования для датировки значительно ограничены. Другими словами, для решения проблемы хронологии сирийского христианства в Семиречье нужен качественно более совершенный материал (образцы художественного металла, стекла, керамики и пр.). Возможность датировки прогрессивно возрастает от простого предмета к сложному, и от утилитарной вещи к произведению искусства.

Предложенные к настоящему времени хронологии изначально основаны на идее непрерывности развития христианской общины и ее культуры в ареале Семиречья, т. е. используют линейный подход к оценке динамики исторических и культурно-цивилизационных процессов. Между тем, как письменные, так и археологические источники дают основание предполагать, что динамика развития восточного христианства в Семиречье имела более сложную картину и могла носить циклический характер. Рамки статьи не

дают возможности вербализировать этот тезис более широко, но позволяют сделать несколько предположений, которые могут быть разработаны в дальнейшем.

В хронологии средневекового христианства Семиречья по археологическим и палеографическим источникам можно условно выделить два исторических цикла развития. Первый цикл составляет период от начала проникновения христианства (VII – VIII вв.¹⁰) до установления господства Караханидов в Семиречье (конец X в.) (Davidovich 1998: 121-122). В этот период происходило усиление влияния сирийского христианского прозелитизма на автохтонное население края и распространение восточно-сирийской догматики, обрядности, культурных и эстетических воззрений. Динамика этого процесса остается не вполне ясной, как и взаимоотношения сирийского христианства с другими конкурирующими религиями, проникшими в Семиречье, манихейством и буддизмом. Тюркские манихейские документы из Восточного Туркестана VIII-IX вв. свидетельствуют о высокой миссионерской активности манихейцев среди карлукской и согдийской общин Семиречья (Klimket 1993: 351-376). Соперничество трех религий за влияние, привело, к примеру, к межконфессиональной раздробленности согдийцев и появлению в их среде приверженцев восточного христианства, манихейства и буддизма.

Утверждение ислама в Семиречье при карлуках, как представляется, на первых порах не оказало существенного влияния на миссионерские религии и их адептов. Ситуация значительно изменилась с утверждением в Семиречье Караханидов и распространением их господства на весь Мавераннахр¹¹. Известно, что караханидские правители, принявшие ислам в середине X в., демонстрировали ревностное отношение к новой религии и позиционировали себя «борцами за веру» (гази). Эта идеология привела к ужесточению политики Караханидов по отношению к другим религиям, распространенным на подконтрольной им территории Семиречья. Практикуемый ими исламский иконоклазм был причиной того, что в материальной культуре и искусстве христиан Семиречья значительно понизилась визуальная презентация традиционных образов и символики, что наглядно видно на ряде предме-

тов из рассматриваемой нами коллекции.

Положение христиан в Семиречье в караханидский период значительно осложнили события в соседнем Восточном Туркестане. По данным агиографического сочинения «Тазкира-и Буграхан», в 1096 г. (489 г. х.) в период войны караханидского правителя Кашгара Хасан Бугра-хана против кочевых племен с западной границы Китая (преимущественно кытаев), христианские клерики Восточного Туркестана приняли участие в конфликте на стороне последних. Это имело катастрофические последствия для армии Хасан Бугра-хана (Bellew 1875: 127-128). Вероломная измена не могла остаться без последствий. Караханиды, взявшие верх в борьбе с кытаями, подвергли репрессиям христиан и постарались свести на нет их политическое и экономическое влияние не только в Восточном Туркестане, но и в соседней части их владений – в Семиречье. Неслучайно упадок Суяба (Ак-Бешима), крупного христианского центра в Семиречье, приходится именно на это время.

Второй цикл активности христиан в Семиречье наблюдается в период политического господства каракитаев, которые отличались достаточной веротерпимостью. Влияние христианских общин в Семиречье значительно усилилось после монгольского завоевания Средней Азии. Об этом уже было достаточно сказано в литературе, и мы не будем касаться этого вопроса дополнительно. Добавим лишь, что этот относительно непродолжительный цикл привел к значительным изменениям в жизни христианских общин Семиречья. Это отразилось, прежде всего, в широком распространении сирийского письма, в тюрко-сирийском и согдийско-сирийском (в меньшей степени) письменном синтезе. Изменения произошли в обрядовой стороне христианства, особенно в похоронном обряде – появление христианских кладбищ и надгробных камней (кайраков) с эпиграфами, выполненными сирийским письмом, с указанием имен и дат. Сирийская эпиграфика в этот период широко и открыто манифестировалась, использовалась не только в быту, обрядах, но и в качестве декоративного элемента в одежде (поясные гарнитуры). В ювелирных изделиях получили распространение изделия из серебра. В декоре стали присутствовать христианские символы и образы, имевшие хождение в Византии, у Сельджукидов Ирана, и в более поздний период на территориях Монгольской империи, такие, как например, двуглавый орел.

На сегодняшний день достаточно сложно сколько-нибудь определенно говорить о тех причинах и движущих силах, которые изменили обрядовую сторону, культурные и художественные

¹⁰ Этот хронологический рубеж принят для Семиречья на основе ранних христианских археологических и палеографических памятников соседнего Синьцзяна.

¹¹ В. В. Бартольд предполагал, что «христиане во владениях Караханидов не подвергались притеснениям», основываясь на отсутствии упоминаний об этом у христианских авторов (Бартольд 1893: 23).

традиции христиан Семиречья в монгольскую эпоху. Вполне возможно, что христианские новации монгольского времени были связаны с изменившимися политическими и экономическими условиями Семиречья при монгольском владычестве, активизацией сухопутной торговли, усилившимся идейным и культурным обменом между Западной и Восточной Азией.

Современный круг источников, относящихся к истории восточного христианства в Семиречье, позволяет сделать подступы к такому интереснейшему вопросу как локализация центра митрополии Кашгар и Навакет восточно-сирийской церкви. Здесь следует сразу оговориться, что мы исходим из факта существования такой митрополии, хотя он и не согласуется с альтернативными источниками (*Le Quien* 1740; *Wiltsch* 1859). Одним из первых эту тему поднял академик В.В. Бартольд, указав, что патриарх Церкви Востока Илья III (1176-1190) «учредил несторианскую митрополию в Кашгаре», и что «в каталоге Амра кашгарский митрополит назван митрополитом «Кашгара и Навакета». Он также полагал, что Семиречье входило в состав кашгарской митрополии (*Бартольд* 1893: 26).

Свои выводы В. В. Бартольд сделал на основе двух достаточно поздних источников – работах европейских ориенталистов Дж. Ассемани (1687-1768) (*Assemani* 1728) и Г. Опперта (1836-1908) (*Oppert* 1870). При внимательном ознакомлении с указанными работами становится очевидным, что сведения Бартольда несколько расходятся со сведениями этих источников, результатом чего стала несколько свободная их интерпретация. Этот важный момент требует уточнения.

Начать следует с того, что оба источника фиксируют название митрополии – «Кашгар и Навакет» (*Caschgar & Noïakat*; *Chasemgarae et Nuachetae*), но не упоминают топонимику, т. е. местоположение резиденции митрополита. У Бартольда это местоположение фиксируется вполне конкретно – Кашгар. Утверждая, что патриарх Илья III «учредил несторианскую митрополию в Кашгаре», он ссылается на работу Ассемани. Но у последнего есть лишь упоминание названия митрополии – «Кашгар и Навакет» и то, что епископ Чалата¹² Иоанн был назначен митрополитом кашгарским. При этом в тексте слова «митрополит кашгарский» надо понимать как сокращение полного названия «митрополит кашгарский и навакетский». Название митрополии «Кашгар и Навакет» фиксируют и другие источники (*Anciennes* 1718). В работе Г. Опперта название

митрополии – «Кашгар и Навакет» – приводится только в списке других митрополий Церкви Востока. Бартольд, со ссылкой на Опперта, сообщает, что «кашгарский митрополит назван митрополитом «Кашгара и Навакета». Из чего следует, что митрополит пребывал в Кашгаре и именовался митрополитом Кашгара и Навакета.

Результатом такого своеобразного использования источников стал не только вывод, что центр митрополии Кашгар и Навакет располагался в Кашгаре, но и то, что Семиречье входило «в состав кашгарской митрополии». В действительности, источники ничего не говорят о местоположении центра митрополии, и идея локализации его в Кашгаре принадлежит целиком самому Бартольду¹³. Необоснованность такого вывода подсказывает необходимость вновь вернуться к вопросу о местопребывании митрополита Кашгара и Навакета.

При сравнении Кашгара и Навакета в период образования новой митрополии, нетрудно заметить очевидные преимущества последнего над первым. По географическим условиям Навакет находился на наиболее удобных караванных путях, связывавших Китай со Средней Азией, Ираном и Индией, тогда как Кашгар с севера, запада и юга изолирован горными хребтами Тянь-Шаня, Восточного Памира и Западного Куньлуня. Прилегающие к Кашгару земли не являлись зоной сплошного земледелия, которое развивалось в отдельных оазисах. Скотоводство по недостатку пастбищ было возможно только в пределах узкой предгорной полосы. Лучшие пастбища располагались вне Кашгарии, на северных склонах Центрального и Восточного Тянь-Шаня. По этой причине основные караванные маршруты из Внутреннего Китая в Среднюю Азию пролегли далеко к востоку от Кашгара, между хребтами Восточного Тянь-Шаня и Джунгарского Алатау. Таким образом, сама природа поместила Кашгар на географическую периферию Средней Азии. При этом важно иметь в виду, что для всех миссионерских религий, к которым относилось и восточно-сирийское христианство, наличие удобных коммуникаций и активная караванная торговля являлись обязательным условием для развития миссионерской деятельности.

Ко времени учреждения митрополии Кашгар и Навакет Семиречье находилось под властью

¹³ Локализация центра митрополии в Кашгаре, осуществленная В. В. Бартольдом, не подвергалась критической оценке. К старой ошибке добавились новые. В. Д. Горячева и С. Я. Перегудова со ссылкой на Бартольда (!) указали на Навакет, как центр митрополии (*Горячева, Перегудова* 1995: 92). Последнее следует отнести к недоразумению, поскольку Бартольд говорил о Кашгаре.

¹² Чалат – город в совр. пров. Хузистан, Иран.

каракитаев (1140-1212) и экономически стояло выше Кашгарии, о чем свидетельствуют нумизматические данные (Кочнев 2006: 243). Кроме того, каракитаи, которые известны своим покровительством христианам, имели свою столицу в Семиречье (Баласагун), и весьма сомнительно, чтобы они согласились на открытие центра митрополии в Кашгаре, вне сферы их политического контроля. В монгольском Иране резиденция патриарха Церкви Востока Мар Яхбалаха III (ок. 1245-1317) находилась в Мараге, столице Ильханидов, что косвенно указывает на существование у кочевых народов Восточной Азии практики контроля над конфессиональными центрами подвластных народов. Наконец археологические источники свидетельствуют в пользу Семиречья, как более населенного христианами района по сравнению с Кашгарией¹⁴.

Основываясь на вышеизложенных доводах, можно подойти к гипотезе, что митрополия Кашгар и Навакет управлялась не из Кашгара, а из Семиречья, и что Навакет (совр. Краснореченское городище) не обязательно был резиденцией митрополита Кашгара и Навакета. Название митрополии не должно вводить в заблуждение. Примеры несовпадения названий митрополий с их фактическими центрами в Церкви Востока хорошо известны. В качестве примера можно указать на Туркестанскую митрополию с центром в Мерве. Остается понять, какой из городов Семиречья мог служить центром такой митрополии – Тараз¹⁵, Баласагун (совр. городище Бурана), Суяб (совр. городище Ак-Бешим)¹⁶, Навакет¹⁷ или некий иной, менее известный. Поскольку эта большая и важная тема выходит за рамки настоящей работы, то мы позволим себе лишь гипотетическое предположение, что наиболее вероятным центром митрополии Кашгар и Навакет может считаться Суяб (Ак-Бешим). В пользу этого говорят как остатки культовых сооружений, так и объем находок предметов христианского круга¹⁸.

¹⁴ Современные китайские работы по археологии Синьцзяна практически не содержат упоминаний о находках христианских древностей. Исключение составляет ограниченное число восточно-сирийских кайраков, найденных преимущественно в полосе, прилегающей к границам исторического Семиречья (Mu Shunying, Qi Xiaoshan 1994; Wan Binghua, Du Gencheng 1997; Silu 1998; Tianshan 2002).

¹⁵ Тараз часто упоминается в связи с археологическим материалом христианского круга (Сенигова 1972; Байпаков 1986, Байпаков 2012).

¹⁶ См.: Суяб 2002; Аманбаева, Ямаучи 2017.

¹⁷ См.: Красная речка 1989; Байпаков, Терновая, Горячева 2007.

¹⁸ В пользу такой гипотезы говорит составклада с предметами восточно-сирийского круга с городища Ак-Бешим, из

Остается надеяться, что активизация археологического изучения этого интересного городища, наблюдаемая в последние годы, предоставит исследователям достаточно материала для ответа на этот важный вопрос¹⁹.

Образцы материальной культуры восточных христиан Семиречья, как показывает обзор археологического материала, институциональных и частных коллекций, представлены предметами из разнообразного материала – керамики, металла, стекла, камня.

Керамика включает образцы культовой, декоративной и бытовой посуды, изготовленной на гончарном круге или ручной лепкой, иногда комбинированным способом. К культовой керамике можно отнести двугорлые кувшины, курительницы (кадильницы), плакетки с изображением креста. Отдельно следует выделить группу оссуариев с христианской символикой, которая, по археологическим данным, была распространена не только в Семиречье, но и на соседних территориях Средней Азии. Вопрос о принадлежности этого вида керамических изделий к христианскому кругу пока остается открытым²⁰. Л. Р. Кызласов однозначно относит такие оссуарии к погребальному инвентарю манихеев Средней Азии (Кызласов 2006: 140, сн. 9), что больше следует отнести к предположению, чем к обоснованному выводу²¹.

рассматриваемой шотландской частной коллекции: высокодекоративные евхаристические чаши эмалевого стекла, фрагменты христианской рукописной книги в арабской графике, фрагмент митры священника. В настоящее время ведется научная обработка и подготовка этой части коллекции к публикации.

¹⁹ Следует отметить высокий научный уровень работ кыргызско-японской археологической экспедиции на Ак-Бешиме (Amanbaeva, Yamauchi 2021).

²⁰ Наличие оссуариев с христианской символикой установлено еще в период работ Семиреченской археологической экспедиции (Сукулукское городище). Эти изделия были отнесены А. Н. Бернштамом к согдийскому кругу (Труды САУ1950: Табл. LXII, 4, 5). Возможность существования христианских оссуариев в Семиречье поднимается и в современных исследованиях (Михеева 2021: 360).

²¹ Похоронный обряд манихеев Средней Азии еще мало изучен. Исходная идея, что в его основе лежали практики иранского манихейства, близкие к зороастризму, может быть принята за основу, но нуждается в дальнейшей проработке. Отождествление Л. Р. Кызласовым ак-бешимских оссуариев с крестами как манихейских может быть поставлено под сомнение ввиду того, что крест не входил в традиционную иконографию манихейства, хотя сам Иисус Христос являлся составной частью манихейской профетологии (Gulácsi 2003; Gulácsi 2015). Использование в декоре оссуариев христианской символики – крестов, стилизованных пальмовых ветвей и пр., вполне может указывать на христиан-согдийцев периода перехода от зороастрийского погребального обряда к обряду христианскому. То, что похоронный обряд согдийцев в раннее средневековье по мере распространения ареала

Декоративная керамика христианского круга представлена глазурованными блюдами и кувшинами. В группу бытовой посуды входят сосуды для хранения пищевых продуктов (хумы), масляные светильники (чираги) и, возможно, керамические столики-дастарханы²².

Достаточно разнообразными были изделия из металла, преимущественно бронзы. К ним относятся составные светильники, нательные и тробные кресты²³, подвески, элементы поясных наборов. Отдельного внимания заслуживают «бронзовые цилиндры» из Талгара, датируемые XII – началом XIII в. В ряде исследований эта группа бронзовых изделий атрибутируется как бронзовые христианские подсвечники (*Байтаков, Терновое* 2018: 38-40, ил. 39) на основе используемых декоративных элементов – сочетания крестов, орнаментов и арабских надписей. А.А. Иванов убедительно отверг эту версию, отнеся эти изделия к кочевой культуре и объяснив их использование в качестве соединительных муфт для деревянных составных опор юрт, шатров и палаток (*Иванов* 2008).

Изделия из камня представлены многочисленными намогильными камнями (кайраками) и более редкими подвесками в форме крестов из нефрита²⁴. В литературе также имеются сведения

о существовании в христианской общине Семи-речья каменных столиков-алтарей (дарохрани-тельниц) и приводится иконографический анализ их декора (*Байтаков, Терновое* 2018: 29-37). Отнесение этих изделий к христианскому культу остается достаточно дискуссионным ввиду отсутствия аналогов как в Семи-речье, так и на сопредельных территориях. Приводимый авторами иконографический анализ не вполне аргументирован и не связан с местным материалом.

Культ образа никогда не был силен в Церкви Востока, в отличие от Византийской церкви, но фигуративные образы все же присутствовали в восточно-сирийской иконографии. При этом сирийское христианство избегало масштабного использования фигуративных образов, предпочитая более символический стиль, и эта тенденция наблюдалась еще в эпоху, предшествовавшую исламскому иконоклазму. Со временем внутри церкви оппозиция фигуративным образам стала нормой, последняя еще более укрепилась в период господства ислама и исламского иконоклазма. Церковь была вынуждена отказаться от икон, но на территориях, где ислам не имел господствующего влияния, как, например, в соседнем с Семи-речьем Восточном Туркестане или во внутренних районах Китая, изобразительные сюжеты продолжали присутствовать. Иоанн Корийский, латинский епископ из Султании (Персия), посетивший ок. 1330 г. восточных сирийцев в Ханбыльке (зимняя столица Юаньской империи), сообщал, что у них были «очень красивые и аккуратные церкви с крестами и изображениями в честь Бога и святых» (*Parry* 1996: 148).

Имеющиеся немногочисленные свидетельства все же позволяют сделать вывод, что как минимум до установления Караханидами полного контроля над Семи-речьем, сирийская Церковь Востока здесь не являлась аниконной и фигуративные образы составляли часть художественной традиции местных христиан. О развитии изобразительного искусства, прежде всего, фресковой живописи свидетельствуют фрагменты настенных росписей из церкви «А» комплекса христианских церквей городища Ак-Бешим (*Семенов* 2002). В росписях использовались весьма дорогие материалы – ляпис-лазурь и золотая фольга, что свидетельствует о важном значении, которое придавалось оформлению церквей и храмов христианами Семи-речья. К сожалению, малые размеры и дефекты не позволяют использовать фрагменты для анализа сюжетов, композиций и

их обитания на восток подвергался существенным трансформациям под влиянием других культур наглядно видно на примере похоронного обряда согдийцев в танском Китае (*Lerner* 2005). В любом случае, тема эта представляется дискуссионной, находится в начальной стадии проработки и далека от своего завершения.

²² Наличие в материальной культуре восточного христианства Семи-речья столиков-дастарханов требует специального изучения. Отнесение трех фрагментов дастарханов, найденных при раскопках городища «Луговое Г» (*Байтаков, Терновое* 2018: 17-20), к восточно-христианскому кругу достаточно условно, как по ограниченности сведений о бытовании такой керамики у христиан Семи-речья и сопредельных территорий, так и по отсутствию археологически целых предметов, позволяющих проследить особенности художественной композиции, используемого набора узоров и символов. Традиционно такие компактные столики относят к материальной культуре кочевников. Ранний экземпляр компактного столика (из дерева) известен по находкам из Кенкольского могильника (*Бернштам* 1940: Табл. 10). Дастарханы, полученные в ходе работ Семи-реченской археологической экспедиции 1941 г., А. Н. Бернштам относил к согдийско-карлукскому периоду, не поднимая вопроса о их возможной связи с материальной культурой восточных христиан Семи-речья (*Труды САЭ* 1950: 129-131, Табл. LXXI-LXXIV).

²³ Находки христианских тробных крестов в пределах Семи-речья крайне редки, интересен в этом отношении фрагмент такого креста с городища Ак-Бешим (*Байтаков, Терновое* 2018: 130, ил. 5 (5)).

²⁴ Нефритовая подвеска с изображением креста из городища Актобе Степнинское (*Байтаков, Терновое* 2018: 25, рис. 11).

Нефритовый крест из Краснореченского городища (Памятники 1983: 67, Кат. № 261а).

стилевых особенностей христианской настенной живописи Семиречья, и остается надеяться, что более обширный и значимый материал будет получен в недалеком будущем. Здесь, тем не менее, важен сам факт существования такой живописи и изобразительной традиции в среде восточных христиан Семиречья, что указывает на возможную взаимосвязь с соседним Восточным Туркестаном, где восточно-христианское искусство дало прекрасные образцы настенной живописи.

Весьма важным остается вопрос о книжном искусстве восточных христиан в центральноазиатском регионе. О восточно-христианской книжной традиции в пределах Средней Азии вообще, и в отношении Семиречья, в частности, практически ничего неизвестно ввиду отсутствия находок рукописей. Эта ситуация сильно контрастирует с искусством книги у среднеазиатских манихеев, прекрасные и достаточно многочисленные образцы рукописных книг которых дошли до наших дней²⁵. Между тем искусство рукописной книги и иллюминирования рукописей у христиан Семиречья безусловно существовало, на что указывают археологические находки с городища Ак-Бешим – фрагменты листа рукописи и крышки кожаного переплета (*Кольченко* 2018: 70, рис. 19, 20). Фрагменты второй рукописи с Ак-Бешима из рассматриваемой шотландской коллекции позволяют сделать предварительный вывод как о художественных особенностях искусства книги в Семиречье – богатое иллюминирование, использование полихромных красок (ляпис-лазури, охристо-красной, черной и др.), золотой фольги, так и о восточноазиатских влияниях в элементах оформления. Фрагменты переплета второй ак-бешимской рукописи также свидетельствуют о высокой художественной традиции книжного дела. При этом прослеживаются аналогии с манихейской книжной традиций в Восточном Туркестане (*Gulácsi* 2001).

Иконографическая модель христианского искусства в Семиречье строится на использовании сюжетов, тем, образов и символов, традиционных для всего христианского искусства в целом – тема причастия, символы рыб, хлеба, вина, хищной птицы. Вместе с тем, имеются и локальные отличия

– несколько приглушенная манера визуальной манифестации классических христианских сюжетов и символов, редкое использование изображений Христа, распятия, креста и пр. В этом отношении мнение В. В. Бартольда о «несторианском аскетизме» (*Бартольд* 1893: 12) представляется вполне справедливым. Несмотря на широкое распространение в средневековом Семиречье нательных крестов и изображений креста на надгробных камнях, этот универсальный символ христианства значительно реже встречается на других предметах, и при этом не так открыто художественно артикулирован, а в отдельных случаях преднамеренно уменьшен графически, оставаясь как-бы «зашифрованным» в общей композиции. Эта иконографическая особенность вполне могла носить вынужденный характер, особенно в период распространения исламского иконоклазма в Средней Азии.

Другой особенностью художественной культуры христиан Семиречья, как это видно на примере высокодекоративных стеклянных потиров из состава шотландской коллекции, является использование в иконографии средневекового бестиария, предположительно заимствованного в художественной культуре Византийской империи или христианского Ближнего Востока. В нем представлены различные птицы (голубь, павлин, утка), львы, олени и даже слон. Встречается использование парных композиций, в том числе обращенных друг к другу фигур животных.

Отличительной особенностью искусства христиан Семиречья является наличие элементов восточноазиатского круга – изображений свастики, лотоса, произрастающего из лотоса креста и др. Истоки этого культурного синтеза, по всей вероятности, относятся к танской эпохе, когда Семиречье продолжительное время находилось под политическим и военным контролем Танской империи. Проникновение буддизма и буддийской художественной традиции в Семиречье еще более усилило этот синтез.

В меньшей степени в иконографической программе христиан Семиречья использовался эпиграфический орнамент. Как видно из небольшого числа предметов, декорированных сирийским письмом, они относятся к позднему периоду бытования христианской общины в Семиречье. По всей видимости, используемая в них эпиграфика является подражательной и лишь имитирует сирийское письмо. Во всяком случае, полных прочтений таких надписей на сегодняшний день не имеется.

Ниже публикуется каталог предметов коллекции, сгруппированных по материалам (керамика, бронза, камень).

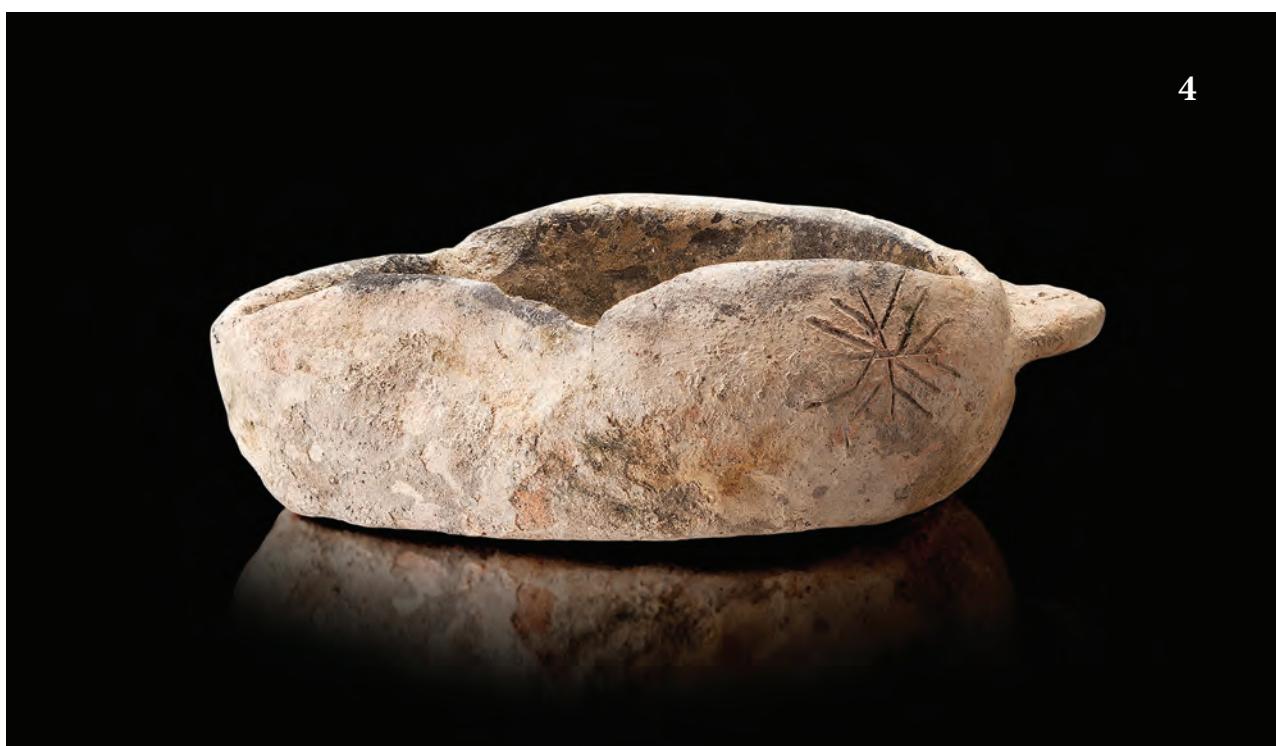
²⁵ Материалы немецких Турфанских экспедиций в Восточном Туркестане содержат около 100 произведений манихейского искусства, среди которых 84 иллюминированные рукописи, 15 расписных и вышитых текстилей, а также и описания двух строений из сырцового кирпича, в которых было сделано большинство находок манихейского круга (*Le Coq* 1979: Tafel 1-6; *Gulácsi* 1997, *Gulácsi* 2001, *Gulácsi* 2005; *Bhattacharya-Haesner* 2003: 372, 377-79).

1

2

3a

5

6

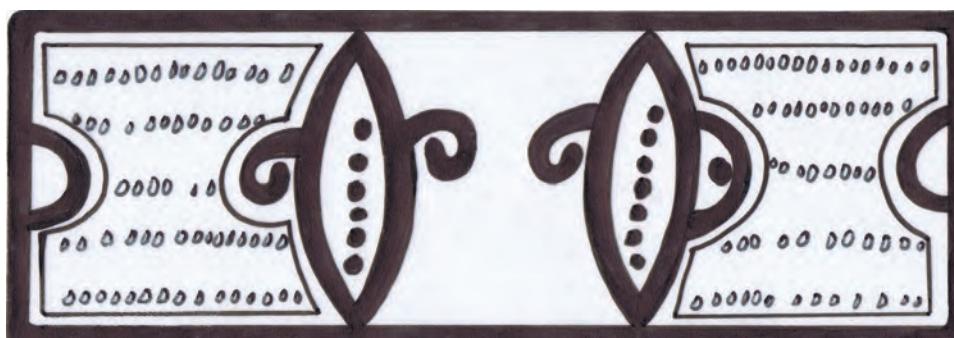
7

8

8a

8b

9

10

11

12

13

14

15

16

17

18

19

20

21

КАТАЛОГ ПРЕДМЕТОВ КОЛЛЕКЦИИ

1. Керамическая кадьница (?)

Семиречье, Таласская долина, городище Шельджи. VIII-IX вв. Высота 9,2 см.

Ручная лепка, светло-кремовый ангоб, два налепа-петельки (один утрачен) с проушинами для подвешивания. Верхняя часть тулова декорирована пятью налепами (один утрачен). Сколы по венчику.

2. Керамическая курильница

Ферганская долина. VIII-IX вв. Высота 4,8 см; ширина 15,2 см. Формовка на гончарном круге, ручная лепка. Ручка утрачена.

Состоит из трех равновеликих сосудов шарообразной формы, соединенных между собой. Сосуды сообщаются друг с другом посредством отверстий в придонной части. Курильница исполнена в форме креста, нижним лучом которого являлась ручка. Соединения между сосудами декорированы прорезанными узорами в виде пальмовых листьев. Тулово каждого из сосудов орнаментировано в верхней части кругами и линейным орнаментом. По центральной части сосудов проходят фризы, орнаментированные треугольниками, кругами с точкой и треугольниками. В декор центрального сосуда вписан крест, нанесенный штампом. Курильница покрыта серой краской по черепку, нижняя часть – не окрашена. Используемый в курильнице технический прием сообщающихся сосудов предполагает использование жидкости, предположительно, ароматизированного масла.

Строенные сосуды имели достаточно широкое распространение на евразийском континенте со времен неолита до позднего средневековья и использовались преимущественно в культовых целях. Курильница представляет собой художественную адаптацию форм, которые были распространены в регионе в дохристианский период²⁶.

Выставки: Arts from the Land of Timur. Edinburgh, 8th – 18th January 2013.

Литература: Arts from the Land of Timur 2012: Cat. no. 95.

3. Элементы бронзовых светильников

Семиречье, Чуйская долина. XI-XII вв. Цоколь: высота 11,5 см; диаметр 21 см. Ствол: высота 74 см; ширина 4,8 см. Ствол (фрагмент): высота 32 см; ширина 9 см. Литье, гравировка.

Элементы бронзовых светильников найдены в составе небольшого клада. Фрагмент ствола светильника имеет следы старой реставрации (два просверленных сквозных отверстия). Бронзовые светильники подобного типа имели достаточно широкое распространение в Семиречье. По своей форме они близки к римским и византийским бронзовым светильникам и отличаются от повременных исламских, для которых характерны массивные стволы меньшей длины и большего диаметра. Отличительной чертой исламских светильников также является их декорирование геометрическим, растительным и эпиграфическим орнаментом (*Baer* 1983: 10-13). Навершие фрагмента ствола в форме крестообразно расположенных стилизованных фигурок петухов и прорезанных пальмовых листьев может указывать на христианский круг изделий. В христианской традиции петух является символом Христа, ассоциацией света и воскрешения. Пальмовый лист является символом «божественного благословения». Сходная композиция навершия светильника с изображением крестообразно расположенных птиц над куполом, в котором прорезаны кресты, использована в бронзовых светильниках в коллекциях музея Ага Хана (Cat. no AKM593) и музея коллекции Дэвида (*Folsach* 2001: Cat. no 455). Четырехгранное навершие на фрагменте ствола еще одного бронзового светильника из Семиречья также содержит в своем декоре диагональный крест в форме латинской буквы «X». Он вписан в полое пространство всех четырех граней и отлит в форме одновременно с остальным изделием (*Камышев* 2012: 119, ил. XXXV).

4. Керамический светильник (чираг)

Семиречье. VIII-IX вв. Высота 5 см; ширина 9,5 см; длина 17 см. Ручная лепка, резной орнамент.

²⁶ В рассматриваемой шотландской коллекции имеется строенный сосуд (Cat. no 16) и сдвоенные сосуды (Cat. nos 11, 22) усуньского времени. К близким по типу с христианской курильницей предметам можно отнести светильники X-XI вв. с городищ Краснореченского и Сады-Коргон (*Горячева* 2010: 70, рис. 27).

Светильник декорирован по центру изображением креста, верхняя поверхность короткой ручки – стилизованным пальмовым листом. На дне имеется крест, вдавленный пальцем в тесто до обжига.

Выставки: Arts from the Land of Timur. Edinburgh, 8th – 18th January 2013.

Литература: Arts from the Land of Timur 2012: Cat. no. 210.

5. Крест в форме двуглавой хищной птицы

Семиречье, Чуйская долина. XIII в. Высота 4,3 см; ширина 2,5 см. Серебро, литье, гравировка.

Вверху креста имеется петелька для подвешивания, в центре отверстие, которое обрамлено узором из точек, крылья декорированы растительным узором.

Необычный и иконографически сложный предмет, выпадающий из известного набора христианских крестов Семиречья, которые имеют достаточно классическую форму. В византийской геральдике двуглавый орел ассоциируется с концепцией империи, с религиозной и светской властью императора, доминированием его власти на Востоке и Западе. Символ возник задолго до христианства и уходит своими корнями в древнегреческую и хеттскую иконографию, но получил широкое и почти синхронное распространение в Византийской империи, у сельджукидов, мамлюков и монголов²⁷. Вполне возможно, что появление креста в виде двуглавого орла относится к периоду господства монголов в Семиречье. Кресты в форме двуглавых орлов известны и среди восточных христиан Ордоса периода династии Юань (1272-1368)²⁸.

6. Подвеска в форме священника с крестом

Семиречье. VIII-XI вв. Высота 5,5 см; ширина 1,9 см. Бронза, литье. Петелька для подвешивания утрачена.

Редкий визуальный образ восточно-христианского священника из Семиречья. В правой руке священника высоко поднятый крест. Другой крест помещается в нижней части фигуры. На голове священника конусообразный головной убор из трех элементов.

Выставки: Arts from the Land of Timur. Edinburgh, 8th – 18th January 2013.

Литература: Arts from the Land of Timur 2012: Cat. no. 204.

²⁷ В этой связи представляет интерес шелковый лампасный халат с изображением двуглавой хищной птицы из собрания Музея исламского искусства в Дохе (Катар), изготовленный в Иране или Восточном Туркестане в XIII в. Любопытна одна малозаметная деталь декоративной композиции – изображение креста между голов птиц (*Thompson* 2004: 72-75).

²⁸ Коллекция бронзовых предметов из Ордоса, имеющих вид печатей, но которые принято считать крестами восточно-христианского круга, находится в музее университета Гонконга (University Museum and Art Gallery, The University of Hong Kong).

7. Подвеска в форме священника с крестом

Семиречье. VIII-IX вв. Высота 5,8 см; ширина 2,6 см. Медь,ковка, гравировка, натуральный жемчуг.

Подвеска является более грубой репликой аналогичного литого изделия, имеющегося в коллекции, но декорирована дополнительной подвеской из четырех жемчужин.

8. Кувшин

Семиречье. XI-XII вв. Высота 20,7 см; диаметр 13,6 см. Подглазурная роспись по белому ангобу, прозрачная бесцветная полива. Формовка на гончарном круге. Часть горловины и ручка утрачены.

В круге керамических изделий восточных христиан Семиречья преобладает неполированная керамика, глазурованные изделия достаточно редки²⁹. Кувшин имеет несколько аналогов, также происходящих из Семиречья (Труды САЭ 1950: Табл. LXXXVI, 2; Памятники 1983: Кат. № 276). Общими чертами для них является цилиндрическое тулово, сплошное декорирование сложными композициями с полихромной росписью, в которых отсутствуют традиционные элементы исламской иконографии, использование прозрачной бесцветной или светло-желтой глазури высокого качества.

Декоративная композиция кувшина состоит из двух фризов (на горловине и тулове), в которых помещаются кубки, по всей вероятности, потиры, между которых расположены стилизованные фигуры рыб. Сосуды украшены цепочками белых точек, имитирующих жемчуг. Мотив потира и рыб, классических символов христианства, как представляется, был традиционным в иконографическом наборе восточного христианства Семиречья. В пользу этой версии свидетельствует и декор стеклянных потиров Ак-Бешима.

(Прорисовки).

8а. Прорисовка декора верхнего фриза.

8б. Прорисовка декора нижнего фриза.

Выставка: Arts from the Land of Timur. Edinburgh, 8th – 18th January 2013.

Литература: Arts from the Land of Timur 2012: Cat. no. 387.

9. Двугорлый кувшин с распятием

Семиречье, Таласская долина, городище Шельджи. VII-IX в. Высота 12,5 см; диаметр 9 см. Формовка на гончарном круге, ручная лепка.

Сосуд состоит из двух горловин, с обратной стороны которых крепится ручка. Верхняя часть ручки раздваивается на два сегмента, которые по отдельности крепятся к горловинам. Между горловинами помеще-

но распятие. Лицо Христа моделировано условно – отверстиями обозначены глаза и рот, нос выступает над поверхностью лица. Уникальность этого предмета состоит в том, что он является, пожалуй, единственным примером использования образа распятия в декоре керамических изделий средневекового Семиречья. Две горловины сосуда могут быть связаны с визуальной манифестацией двуединой сущности Христа. Традиционная христологическая формула Церкви Востока заявляла об Иисусе Христе, как о совершенном Боге и совершенном Человеке в единстве, двух природах, двух кномах (ипостасях) в одном лице, одном господстве и одной воле. Вместе с тем, отнесение этого предмета к восточно-сирийскому кругу представляется достаточно проблематичным. Традиция христианской церкви восточно-сирийского обряда не отождествляла крест со страданиями Христа, но представляла его как триумф и победу веры, и соответственно, в литургии и церковной иконографии предпочитала использовать крест без распятия. Наличие подобных сосудов ставит вопрос о присутствии в средневековом Семиречье кроме Церкви Востока и иных церквей восточного христианства или их деноминаций. В то же время, нельзя исключить, что образ распятия не был полностью табуирован и в среде адептов сирийской Церкви Востока.

Выставка: Arts from the Land of Timur. Edinburgh, 8th – 18th January 2013.

Литература: Arts from the Land of Timur 2012: Cat. no. 208.

10. Двугорлый кувшин

Семиречье, Таласская долина. VII-IX вв. Высота 23,4 см; диаметр 16,5 см. Формовка на гончарном круге, ручная лепка.

Кувшин типологически близок к двугорлому сосуду с распятием. Как представляется, он также был декорирован распятием, что видно из налеса в верхней части тулова при его соединении с горловинами. Сосуд декорирован фризом из волнистых линий и пальметой в центре (частично сохранившейся) – узорами, характерными для декоративных композиций согдийской керамики Семиречья. В то же время, фриз из волнистых линий вполне может относиться и к христианской иконографии, подразумевая воду, как символ божественного духа, обновления и причастия (Cooper 2009: 189).

Выставка: Arts from the Land of Timur. Edinburgh, 8th – 18th January 2013.

Литература: Arts from the Land of Timur 2012: Cat. no. 126.

11. Керамический кувшинчик

Семиречье. VIII-IX вв. Высота 12,5 см; диаметр 7,8 см. Формовка на гончарном круге. Ручка и часть горловины утрачены.

Кувшинчик декорирован в верхней части тулова фризом из диагонально пересеченных линий, по центру тулова помещен стилизованный крест.

²⁹ Замечательный экземпляр (фрагментированный) христианского блюда с подглазурной росписью был найден на городище Каратобе в Южно-Казахстанской области Республики Казахстан. Композицию центрального поля блюда составляет крест с кругом в месте пересечения лучей, в центре которого помещен еще один крест в форме свастики, повернутой под наклоном вправо (Смагулов 2011:173, ил. 16).

12. Кувшин с крестообразным декором

Ферганская долина, предположительно, Узгенд. VIII-X вв. Высота 32,5 см; диаметр 24 см. Формовка на гончарном круге, роспись розово-коричневой краской по кремовому ангобу.

Сосуд декорирован тремя крупными крестами и вписанными между ними четырьмя крестами меньшего размера, размещенными вдоль горловины. Крупные кресты имеют почти треугольные лучи, малые кресты имеют на концах лучей шарообразные утолщения. Плечики сосуда декорированы широким фризом с абстрактным узором из геометрических взаимно переплетающихся фигур.

Выставки: Arts from the Land of Timur. Edinburgh, 8th – 18th January 2013.

Литература: Arts from the Land of Timur 2012: Cat. no. 211.

13. Христианские нательные кресты

Семиречье. VIII-XII вв. Высота 5 см (max) – 3 см (min). Бронза, литье.

Выставки: Arts from the Land of Timur. Edinburgh, 8th – 18th January 2013.

Литература: Arts from the Land of Timur 2012: Cat. no. 202.

14. Часть поясной гарнитуры и крест

Семиречье. VIII-X вв. Высота 3,8 см (max) – 2,6 см (min). Бронза, литье.

Выставки: Arts from the Land of Timur. Edinburgh, 8th – 18th January 2013.

Литература: Arts from the Land of Timur 2012: Cat. no. 203.

15. Элемент поясной гарнитуры с изображением креста

Семиречье. VIII-XI вв. Высота 3,5 см; ширина 2,2 см. Бронза, гравировка. С обратной стороны предмета имеются три крепежных штифта.

16. Элемент поясной гарнитуры с изображением креста

Семиречье. XII-XIV вв. Высота 2,1 см; ширина 1,1 см. Бронза, гравировка, золочение. С обратной стороны предмета имеются два крепежных штифта.

17. Деталь поясной гарнитуры с эпиграфическим декором

Семиречье. XII-XIV вв. Высота 3 см; ширина 1,8 см. Бронза, литье. С обратной стороны имеются два крепежных штифта.

Эпиграфический декор бляшки состоит из надписи сирийским письмом, в которой отчетливо просматриваются только две графемы (справа налево) – 𐤒 ... 𐤑, 𐤓

(šade) ... ʾ (ālah). По мнению профессора Пьера Борбона, изучавшего надпись, «буквы» весьма близки к сирийскому алфавиту, но их форма не вполне соответствует «классической» графике, в том числе и той, что имеется в образцах семиреченской сирийской эпиграфики³⁰.

Выставки: Arts from the Land of Timur. Edinburgh, 8th – 18th January 2013.

Литература: Arts from the Land of Timur 2012: Cat. no. 205.

18 Деталь поясной гарнитуры в виде креста

Семиречье. VIII-X вв. Диаметр 2,7 см. С оборотной стороны имеются два крепежных штифта.

Выставки: Arts from the Land of Timur. Edinburgh, 8th – 18th January 2013.

Литература: Arts from the Land of Timur 2012: Cat. no. 206.

19. Декоративный элемент с изображением креста

Семиречье. VIII-XII вв. Диаметр 3,2 см. Бронза, литье. С внешней стороны имеются три петельки для нашивки.

20. Подвеска в виде креста

Семиречье. VIII-X вв. Диаметр 3 см. Бронза, литье. *Выставки:* Arts from the Land of Timur. Edinburgh, 8th – 18th January 2013.

Литература: Arts from the Land of Timur 2012: Cat. no. 207.

21. Намогильный камень (кайрак)

Семиречье, предположительно, городище Кара-Джигач. 1292 г. Камень, гравировка.

Профессор Пьер Борбон, занимавшийся изучением этого эпиграфического памятника, предложил его следующее прочтение:

𐤁𐤏𐤍𐤏𐤍 𐤁𐤏𐤍𐤏𐤍 𐤁𐤏𐤍𐤏𐤍 𐤁𐤏𐤍𐤏𐤍 𐤁𐤏𐤍𐤏𐤍 𐤁𐤏𐤍𐤏𐤍 𐤁𐤏𐤍𐤏𐤍 𐤁𐤏𐤍𐤏𐤍
bsnt 'trg hw' bsnt ḥwy' hd' hy qbrh mngw pylg' mhymnt'

Va-šnat 1603 hwā, ba-šnat Ḥewyā. Hādē-hāy qabrāh Mengü Bilgä mhaymntā.

«Это [событие] произошло в год 1603, что в год Змеи. Это могила верующей [женщины] Менгу Билга».

По селевкидскому летоисчислению год 1603 являлся годом Змеи, что соответствует 1292 г.

Выставки: Arts from the Land of Timur. Edinburgh, 8th – 18th January 2013.

Литература: Klein 2000: 166; Жумагулов 2011: 143-144; Arts from the Land of Timur 2012: Cat. no. 209; Borbone 2023.

³⁰ Выражаю благодарность Пьеру Борбону (Pier Giorgio Borbone), профессору университета Пизы, за оказанное содействие в прочтении сирийских надписей на ряде предметов из состава шотландской частной коллекции.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Аманбаева, Ямаучи* 2017 – *Аманбаева Б. Э., Ямаучи К.* Некоторые итоги исследования средневековых городов верхней зоны Чуйской долины // Эпоха Юсуфа Баласагуни: история, литература, материальная культура. Бишкек: Ин-т истории и культ. наследия НАН КР, 2017. С. 148-159.
- Байпаков* 1986 – *Байпаков К. М.* Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья (VI-XIII в.). Алма-Ата: Наука, 1986.
- Байпаков* 2012 – *Байпаков К. М.* Древняя и средневековая урбанизация Казахстана (по материалам исследований Южно-Казахстанской комплексной археологической экспедиции). Алматы: Ин-т археологии им. А. Х. Маргулана, Казахстанское археологическое о-во, 2012.
- Байпаков, Терновая* 2018 – *Байпаков К. М., Терновая Г. А.* Христианство в Южном Казахстане и Семиречье (VI-XIV вв.) // Религии Центральной Азии и Азербайджана. Т. IV. Христианство. Самарканд: МИЦАИ, 2018. С. 8-47.
- Байпаков, Терновая, Горячева* 2007 – *Байпаков К. М., Терновая Г. А., Горячева В. Д.* Художественный металл городища Красная речка (VI – начало XIII вв.). Алматы: Гылым, 2007.
- Бартольд* 1893 – *Бартольд В. В.* О христианстве в Туркестане в домонгольский период. (По поводу семиреченских надписей) // ЗВОИРАО. 1893. Т. VIII. Вып. 1. С. 1-32.
- Бернштам* 1940 – *Бернштам А. Н.* Кенкольский могильник. Л.: Гос. Эрмитаж, 1940. (Археологические экспедиции Государственного Эрмитажа. Вып. II).
- Горячева* 2010 – *Горячева В. Д.* Городская культура тюркских каганатов на Тянь-Шане (середина VI – начало XIII в.). Бишкек, [б. и.], 2010.
- Горячева, Перегудова* 1995 – *Горячева В. Д., Перегудова С. Я.* Памятники христианства на территории Кыргызстана // Из истории древних культов Средней Азии. Христианство / Сост.: Л. И. Жукова. Ташкент: Гл. ред. энцикл., 1995.
- Железняков* 2019а – *Железняков Б. А.* Камни-кайраки – массовый источник по христианству XII-XIV вв. Центральной и Восточной Азии // Археология Казахстана. 2019. № 3 (5). С. 122-141.
- Железняков* 2019б – *Железняков Б. А.* Периодизация распространения христианства, причины его упадка (Центральная Азия). Находки в Жетысу // Известия НАН РК. Сер. обществ. наук. 2019. № 1. С. 231-247.
- Жумагулов* 2011 – *Жумагулов Ч. Ж.* Кыргызстандагы несториан-түрк жазуу эстеликтери (XIII-XIV кылымдар). Бишкек: Кыргыз Республикасынын улуттук илимдер академиясы; Ч. Айтматов атындагы тил жана адабият институту, 2011.
- Иванов* 2008 – *Иванов А. А.* О так называемых несторианских подсвечниках // Византия в контексте мировой культуры / [В. Н. Залеская (науч. ред.) и др.]. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2008. (Труды Государственного Эрмитажа. Т. XLII). С. 381-385.
- Камышев* 2012 – *Камышев А. М.* Кыргызстан // Художественная культура Центральной Азии и Азербайджана IX-XIV веков. Т. III. Торевтика. Самарканд – Ташкент: МИЦАИ, 2012. С. 97-122.
- Кольченко* 2003 – *Кольченко В. А.* Периодизация распространения христианства в Средней Азии по данным археологии // Буддизм и христианство в культурном наследии Центральной Азии: материалы научной конференции. Бишкек: ОФЦИР, 2003. С. 53-73.
- Кольченко* 2018 – *Кольченко В. А.* Средневековое христианство Кыргызстана по данным археологических источников // Религии Центральной Азии и Азербайджана. Т. IV. Христианство. Самарканд: МИЦАИ, 2018. С. 48-103.
- Кочнев* 2006 – *Кочнев Б.* Нумизматическая история Караханидского каганата (991-1209). Ч. I. Источниковедческое исследование. М.: изд. дом «София», 2006.
- Красная речка* 1989 – *Красная речка и Бурана.* Материалы и исследования Киргизской археологической экспедиции. Фрунзе: изд. Илим, 1989.
- Кызласов* 2006 – *Кызласов Л. Р.* Символ креста и сакральное пространство города Суяба на реке Чу // Вест. Моск. ун-та. Сер. 8. История. 2006. № 2. С. 138-150.
- Лившиц* 2008 – *Лившиц В. А.* Согдийская эпиграфика Средней Азии и Семиречья. СПб.: Филологический фак. Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2008.
- Михеева* 2021 – *Михеева А. А.* Погребальный обряд христиан Средней Азии и Южного Казахстана по археологическим источникам (IV – начало XIII в.) // Христианский Восток. Т. 9 (XV). СПб.: изд. ГЭБ, 2021. С. 317-366.
- Памятники* 1983 – *Памятники культуры и искусства Киргизии.* Каталог выставки. Л.: Искусство, 1983.
- Петровский* 1895 – *Петровский Н. Ф.* Заметки о древностях Кашгара // ЗВОИРАО. 1895. Т. IX. С. 147-155.
- Семенов* 2002 – *Семенов Г. Л.* Раскопки 1996-1998 гг. // Суяб – Ак-Бешим / Гос. Эрмитаж (Россия), Ин-т истории НАН Кыргызстана. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2002. С. 11-114.
- Сенигова* 1972 – *Сенигова Т. Н.* Средневековый Тараз. Алма-Ата: Наука, 1972.
- Смагулов* 2011 – *Смагулов Е.* Древний Сауран. Алматы: АО «АБДИ Компани», 2011.
- Суяб* 2002 – *Суяб – Ак-Бешим / Гос. Эрмитаж (Россия), Ин-т истории НАН Кыргызстана.* СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2002.
- Труды САУ* 1950 – *Труды Семиреченской археологической экспедиции «Чуйская долина» / Сост. под руководством А. Н. Бернштама.* М.-Л.: изд. АН СССР, 1950.
- Amanbaeva, Yamauchi* 2021 – *Amanbaeva, B., and Yamauchi, K.* Ak-Beshim (Suyab) 2019. (Japan-Kyrgyz Joint Archaeological Expedition Reports. Vol. 3). Bishkek: Research Institute of Cultural Properties, Teikyo University, The National Academy of Sciences of the Kyrgyz Republic, 2021.
- Anciennes* 1718 – *Anciennes Relations des Indes et de*

- la Chine, de deux Voyageurs Mahometans, qui y allerent dans le neuvième siecle; traduites d'arabe: avec des Remarques sur les principaux endroits de ces Relations. Paris: Chez Jean-Baptiste Coignard, 1718.
- Arts from the Land of Timur 2012 – *Arts from the Land of Timur*. An Exhibition from a Scottish Private Collection. Edinburgh: Sogdiana Books, 2012.
- Assemani 1728 – *Assemani, G. S. Orientalis Clementino-Vaticana in qua manuscriptos codices Syriacos, Arabicos, Persicos, Turcicos, Hebraicos, Samaritanos, Armenicos, Aethiopicos, Graecos, Aegyptiacos, Ibericos, et Malabaricos, jussu et munificentia Clementis XI Pontificis Maximi ex Oriente conquisitos, comparatos, et Bibliothecae Vaticanae addictos Recensuit, digessit, et genuina scripta a spuriis secrevit, addita singulorum auctorum vita, Joseph Simonius Assemanus, Syrus Maronitap. Tomi tertii, Pars secunda. Rome, MDCCXXVIII.*
- Baer 1983 – *Baer, Eva. Metalwork in Medieval Islamic Art.* Albany: State University of New York, 1983.
- Baum, Winkler 2000 – *Baum, W., and Winkler, D. W. The Church of the East. A Concise History.* London: Routledge Curzon, 2000.
- Baumer 2016 – *Baumer, Ch. The Church of the East. An Illustrated History of Assyrian Christianity.* London: I. B. Tauris, 2016.
- Bellew 1875 – *Bellew H. W. "History of Kashgar", in Report of a mission to Yarkund in 1873, under command of Sir T. D. Forsyth, with historical and geographical information regarding the possessions of the ameer of Yarkund. Calcutta: Printed at the Foreign Department Press, 1875: 106-214.*
- Bhattacharya-Haesner 2003 – *Bhattacharya-Haesner C. Central Asian Temple Banners in the Turfan Collection of the Museum für Indische Kunst, Berlin: painted textiles from the Northern Silk Route.* Berlin: Reimer, 2003.
- Borbone 2023 – *Borbone, P. G. "An "Unpublished" Published Syro-Turkic Gravestone from Semirechye dated 1292 AD", in Manuscripta Orientalia (forthcoming 2023).*
- Cooper 2009 – *Cooper J. C. An Illustrated Encyclopaedia of Traditional Symbols.* London: Thames & Hudson, 2009.
- Davidovich 1998 – *Davidovich, E. A. "The Qarakhanids", in History of Civilizations of Central Asia. Vol. IV. Part 1. Paris: UNESCO, 1998: 119-143.*
- Dickens 2009 – *Dickens, M. "Syriac Gravestones in the Tashkent History Museum", in Tang, L., and Winkler, D. W. (Eds.). Hidden Treasures and Intercultural Encounters: Studies on East Syriac Christianity in China and Central Asia (Orientalia – Patristica – Oecumenica. Vol. 1). Zürich: Lit Verlag, 2009: 13-49.*
- Dickens 2016 – *Dickens, M. "More Gravestones in Syriac Script from Tashkent, Panjikent and Ashgabat", in Tang L., and Winkler, D. W. (Eds.). Winds of Jingjiao: Studies on Syriac Christianity in China and Central Asia (Orientalia – Patristica – Oecumenica. Vol. 9). Zürich: Lit Verlag, 2016: 105-129.*
- Dickens 2020 – *Dickens, M. Echoes of a Forgotten Presence. Reconstructing the History of the Church of the East in Central Asia (Orientalia – Patristica – Oecumenica. Vol. 15). Zürich: Lit Verlag, 2020.*
- Drege 1992 – *Drege J. P. Marco Polo y La Ruta de La Seda.* Madrid: Aguilar, S. A. de Ediciones, 1992.
- Folsach 2001 – *Folsach, Kjeld von. Art from the World of Islam in the David Collection.* Copenhagen, 2001.
- Gillman, Klimkeit 1999 – *Gillman, I., and Klimkeit, H.-J. Christians in Asia before 1500.* London: Curzon Press, 1999.
- Gulácsi 1997 – *Gulácsi, Z. "Identifying the Corpus of Manichaean Art among the Turfan Remains", in Mirecki, P., and BeDuhn, J. (Eds.). Emerging from Darkness: Studies in the Recovery of Manichaean Sources (Nag Hammadi and Manichaean Studies, Volume: 43). Leiden: Brill, 1997: 177-215.*
- Gulácsi 2001 – *Gulácsi, Z. Manichaean Art in Berlin Collections: A Comprehensive Catalogue (Corpus Fontionum Manichaeorum: Series Archaeologica et Iconographica, Volume: 1). Turnhout: Brepols, 2001.*
- Gulácsi 2003 – *Gulácsi, Z. "The Dates and Styles of Uygur Manichaean Art. A New Radiocarbon Date and its Implication for the Study of East Central Asian Art", in Arts Asiatiques Année, 2003, 58: 5-33.*
- Gulácsi 2005 – *Gulácsi, Z. Mediaeval Manichaean Book Art: A Codicological Study of Iranian and Turkic Illuminated Book Fragments from 8th-11th Century. East Central Asia (Nag Hammadi and Manichaean Studies, Volume: 57). Leiden: Brill, 2005.*
- Gulácsi 2015 – *Gulácsi, Z. Mani's Pictures. The Didactic Images of the Manichaeans from Sasanian Mesopotamia to Uygur Central Asia and Tang-Ming China (Nag Hammadi and Manichaean Studies, Volume: 90). Leiden: Brill, 2015.*
- Klein 1996 – *Klein, W. "Nestorianische Inschriften in Kirgizistan: Ein Situationsbericht", in R. Lavenant (Ed.). Symposium Syriacum VII. Uppsala University, Department of Asian and African Languages 11-14 August 1996. Roma, 1998: 661-669.*
- Klein 2000 – *Klein, W. Das nestorianische Christentum an den Handelswegen durch Kyrgyzstan bis zum 14. Jh. (Silk Road Studies. III). Turnhout: Brepols, 2000.*
- Klimket 1993 – *Klimket H.-J. Gnosis on the Silk Road: Gnostic Texts from Central Asia.* San Francisco: Harper Collins Publishers, 1993.
- Le Coq 1979 – *Le Coq, Albert von. Chotscho: Facsimile-wiedergaben der wichtigeren Funde der ersten Königlich preussischen Expedition nach Turfan in Ost-Turkistan, im Auftrage der Generalverwaltung der Königlischen Museen aus Mitteln des Baessler-Institutes.* Graz: Akademische Druck- u. Verlagsanstalt, 1979.
- Le Quien 1740 – *Le Quien M. Oriens christianus in quatuor patriarchatus digestus, quo exhibentur ecclesiae, patriarchae, ceterique praesules totius Orientis. Studio et opera R. P. F. Michaelis Le Quien. Parisiis: ex Typographia regia, 1740.*
- Lerner 2005 – *Lerner J. A. "Aspects of Assimilation: The Funerary Practices and furnishings of Central Asians in China", in Sino-Platonic Papers, 168 (December, 2005).*
- Malek, Hofrichter 2006 – *Malek, R., and Hofrichter, P. (Eds.). Jingjiao: The Church of the East in China and*

- Central Asia (Collectanea Serica). Sankt Augustin: Institute Monumenta Serica, 2006.
- Moriyasu* 2010 – *Moriyasu, Takao*. “Discovery of Manichaeism Paintings in Japan and their Historical Background”, in Berg, J. A. van den, Kotzé, A., Nicklas T., and Scopello, M. (Eds.). Search of Truth: Augustine, Manichaeism and other Gnosticism: Studies for Johannes van Oort at Sixty (Nag Hammadi and Manichaeism Studies, Volume: 74). Leiden: Brill, 2010: 339–360.
- Mu Shunying, Qi Xiaoshan* 1994 – *Mu Shunying, Qi Xiaoshan*. Zhongguo Xinjiang gudai jishu. [The Ancient Art in Xinjiang, China]. Urumqi: Xinjiang meishu sheying chubanshe, 1994.
- Oppert* 1870 – *Oppert, G. S.* Der Presbyter Johannes in Sage und Geschichte: Ein Beitrag zur Volker- und Kirchenhistorie und zur Heldendichtung des Mittelalter. Berlin: Verlag von Julius Springer, 1870.
- Parry* 1996 – *Parry K.* “Images in the church of the East: the evidence from Central Asia and China”, in Bulletin of the John Rylands Library, 1996, 78 (3): 143-162.
- Silu* 1998 – *Silu kaogu zhenpin*. [Archaeological Treasures of the Silk Road in Xinjiang Uygur Autonomous Region]. Shanghai: Shanghai yiwu chubanshe, 1998.
- Sim-Williams* 2014 – *Sim-Williams, N.* Biblical and other Christian Sogdian texts from the Turfan Collection (Berliner Turfantexte XXXII). Turnhout: Brepols, 2014.
- Sim-Williams* 2016 – *Sim-Williams, N.* A Dictionary Christian Sogdian, Syriac and English (Beiträge zur Iranistik 41). Wiesbaden: Dr. Ludwig Reichert Verlag, 2016.
- Tang* 2020 – *Tang, L.* A Christian Tombstone with Syriac Inscription from Kyrgyzstan (AD 1288/9) Now Kept in the British Museum, in Tang, L., and Winkler, D. W. (Eds.). Artifact, Text, Context. Studies on Syriac Christianity in China and Central Asia (Orientalia – Patristica – Oecumenica. Vol. 17). Zürich: Lit Verlag, 2020: 229-231.
- Tang, Winkler* 2009 – *Tang, L., and Winkler, D. W. (Eds.)*. Hidden Treasures and Intercultural Encounters: Studies on East Syriac Christianity in China and Central Asia (Orientalia – Patristica – Oecumenica. Vol. 1). Zürich: Lit Verlag, 2009.
- Tang, Winkler* 2013 – *Tang, L., and Winkler, D. W. (Eds.)*. From the Oxus River to the Chinese Shores. Studies on East Syriac Christianity in China and Central Asia (Orientalia – Patristica – Oecumenica. Vol. 5). Zürich: Lit Verlag, 2013.
- Tang, Winkler* 2016 – *Tang, L., and Winkler, D. W. (Eds.)*. Winds of Jingjiao: Studies on Syriac Christianity in China and Central Asia (Orientalia – Patristica – Oecumenica. Vol. 9). Zürich: Lit Verlag, 2016.
- Tang, Winkler* 2020 – *Tang, L., and Winkler, D. W. (Eds.)*. Artifact, Text, Context. Studies on Syriac Christianity in China and Central Asia (Orientalia – Patristica – Oecumenica. Vol. 17). Zürich: Lit Verlag, 2020.
- Thompson* 2004 – *Thompson, J.* Silk, 13th to 18th centuries. Treasures from the Museum of Islamic Art, Qatar. Doha: The National Council for Culture, Arts and Heritage, 2004.
- Tianshan* 2002 – *Tianshan gudao dongxifeng: Xinjiang sichou zhi lu wenwu teji*. [Tianshan, Ancient Roads. The Meeting of East and West. The Extraordinary Cultural Relics from the Silk Road in Xinjiang]. Beijing: Zhongguo shehui kexue chubanshe, 2002.
- Voyakin, Gilbert, Stewart* 2020 – *Voyakin, D., Gilbert, S. T. and Stewart, Ch. A.* “The Christian Community of Medieval Ilibalyk: Initial Archaeological Investigations of a Medieval Site in Southeastern Kazakhstan”, in История и археология Турана. 2020. № 5. С. 336-367.
- Wan Binghua, Du Gencheng* 1997 – *Wan Binghua, Du Gencheng* (Eds.). Xinjiang wenwu kaogu xin shaohuo, 1990-1996. [New Achievements in Archaeological Research in Xinjiang, 1990-1996]. Urumqi: Xinjiang Meishu sheying chubanshe, 1997.
- Whitfield* 1982 – *Whitfield, R.* The Art of Central Asia. The Stein Collection in the British Museum. 1. Painting from Dunhuang. I. London and Tokyo: Kodansha International in co-operation with The Trustees of the British Museum, 1982.
- Wiltsch* 1859 – *Wiltsch, J. E. T.* Handbook of the geography and statistics of the Church. Trans. from German J. Leitch, with a preface by F. D. Maurice. London: Bowers & Harrison, 1859.